

НА ЗЕМЛЯНИЧНЫХ ПОЛЯНАХ О ЛИТВЕ, СТРАНЕ ДЕТСТВА ГЕННАДИЙ ИОЗЕФАВИЧУС

— Лодки напротив
замка в Тракае

как мне кажется,
именно там — у озер,
на земляничных полянах
и в зарослях багульника —
я и рос

Я, можно сказать, вырос в литовских лесах — на земляничных полянах, окруженных истекающими смолой соснами; у черных озер, отражающих сумрачные елки, белые облака и голубое небо; в зарослях багульника, от запаха которого до рвоты кружилась голова. Нет-нет, я не родился на затерянной заимке, мой отец не был лесным братом, ушедшим в чащу в 1940-х; папа был вполне лояльным режиму инженером-энергетиком, по распределению оказавшимся в Калининграде, бывшем Кёнигсберге. Просто Литва, ближайшая внутренняя заграница, была рядом, в какой-то сотне километров. Ну, и она же оставалась папиной родиной; он появился на свет в Каунасе, там же пошел в школу, и оттуда же его семью накануне войны выслали к черту на якутские кулички. В общем, в Литву — по совокупности причин — мы ездили часто, по несколько раз в году. Чаще — чтобы повидать отцовских родственников и восполнить запасы продовольствия, реже, раз в году, в родительский отпуск — чтобы поставить под какой-нибудь елкой оранжевую польскую палатку и ощутить на себе все прелести автомобильного туризма. И вот эти поездки в лес я до сих пор отлично, в деталях помню. И, как мне кажется, именно там — у озер, на земляничных полянах и в зарослях багульника — я и рос. И вырос.

Путешествие всегда начиналось в Каунасе, куда мы приезжали в гости. На Лайсвес-аллее, в самом центре города, мы останавливались у папиного брата, ставили под окнами его квартиры груженую туристическим скарбом «копейку» и шли гулять по вполне заграничному городу. «Вот тут, — говорил отец, указывая на двухэтажный особняк, — была резиденция Сметоны, президента Литвы. Я иногда приходил послушать его; он любил выступать с балкона. А тут, около гарнизонного костела, активисты Армии спасения

собирали пожертвования; однажды я отдал им деньги, что мама дала мне на пирожки. А вот здесь была моя гимназия». Мы доходили до стрелки, у которой Нерис вливается в Неман, и по Неману возвращались домой. В другой раз шли в Военный музей посмотреть на куски искореженного металла, оставшиеся от «Литуаники» Дарюса и Гиренаса, послушать каунасский карильон, подняться на фуникулере на гору.

Как вы понимаете, Каунас и по сей день у меня весь состоит из каких-то папиных углов, подворотен, дворов. И я, конечно, люблю этот город.

А потом мы впахивали в багажник машины ящик каких-нибудь экзотических консервов (дядя мог достать все, что угодно; он был большим человеком), целовали родственников и ехали в лес. Чаще всего — в окрестности Игналины, где тогда еще не было атомной станции, зато были озера дивной красоты и кемпинги на их берегах. Мы ставили палатку, раскатывали спальники, собирали стол и стулья, разворачивали настоящую полевую кухню (бензиновая, адски копящая плита, огромная грелка-рукомойник, походный холодильник) и надували лодку. С этого момента начинался настоящий — в меру активный — отдых. В меру — потому что единственной нашей активностью был сбор черники, земляники, грибов. До лесных делянок мы добирались на машине; пешие походы не были включены в программу наших персональных олимпиад. Ягоды перетирались с сахаром и закатывались в банки, грибы сушились. Продовольственная программа семьи Иозефовичусов выполнялась по-стахановски, с опережением.

В перерывах между набегами на земляничные поля и черничные плантации мы с папой немного ловили рыбу. Много наловить не получалось никогда: рыбаков на озерах всегда было больше, чем плотвы, а плотва была запу-